

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Эдуард Гиббон

1737–1794

Эдуард
Гиббон

ВСЕОБЩАЯ
ИСТОРИЯ
УПАДКА И РАЗРУШЕНИЯ
РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ

Москва
2025

Перевод с английского — профессор *В. Н. Неведомский*

Гиббон, Эдуард.

Г46 Всеобщая история упадка и разрушения Римской империи / Эдуард Гиббон : [перевод с английского В. Н. Неведомского. — Москва : Эксмо, 2025. — 800 с.

ISBN 978-5-04-220444-9

Труд знаменитого британского ученого Эдуарда Гиббона до сих пор считается величайшим триумфом исследовательского искусства. С момента его выхода в свет в 1776 году он признан золотым стандартом исторического исследования.

Автор столь глубоко и обширно использовал исторические источники, так объективно и скрупулезно проанализировал события прошлого, настолько новаторской оказалась его методология анализа развития великой Римской империи от ее расцвета до упадка, превращения ее в Византийскую империю, вплоть до падения Византии в XV веке, что Гиббон по праву заслужил звание «первого современного историка Древнего Рима».

Почему распалась величайшая в мире империя? Стала тому виной цепь случайностей или гибель империи была предопределена? И когда произошел роковой перелом от расцвета к упадку? Автор не просто представляет нам обширные факты, но и объясняет логику движения европейской истории на длительном отрезке ее развития. Книга Э. Гиббона затрагивает многие сложные процессы, длившиеся веками, а также арабские и монгольские завоевания. Издание снабжено комментариями как самого автора, так и редакции; многочисленные иллюстрации, в том числе и цветные, позволяют читателю получить более полную картину событий древнеримской истории.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

ЭДУАРД ГИББОН
И ЕГО «ИСТОРИЯ УПАДКА
И РАЗРУШЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ»

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«Первый современный историк Древнего Рима» — так именовали Эдуарда Гиббона его коллеги. Конечно, в буквальном смысле он не был первым, кто взялся за изучение причин и следствий падения величайшего государства в истории цивилизации. Но фундаментальные труды Гиббона ознаменовали собой новый подход, новую методологию, которая остается образцом для подражания и в наши дни.

Эдуард Гиббон родился 8 мая 1737 года в городке Патни, который ныне входит в состав Лондонской агломерации. Семья была аристократической и весьма обеспеченной, однако родители Эдуарда к сливкам общества явно не относились. У мальчика было шестеро братьев и сестер, но все они умерли в юном возрасте. Болезненным был и Эдуард, что отразилось на его характере, увлечениях и выборе жизненного пути. Он часто был прикован к постели, и чтение в такой ситуации оставалось единственным развлечением. К 15 годам Гиббон прочел немало серьезных трудов, большую часть из которых составляли книги по истории.

Воспитание Эдуард в основном получал дома, некоторое время учился в частных школах и пансионах. Наконец в 1752 году отец отправил его в колледж Магдалины в Оксфорде. Через год юноша шокировал родителей и знакомых, решив перейти в католицизм, — сказалось его увлечение работами католических философов. Чтобы избавить Эдуарда от «ереси», отец отправил своего отпрыска в Лозанну, под наблюдение протестантского пастыря Даниэля Павиллара. «Лечение» помогло — на Рождество 1754 года Эдуард вернулся в лоно англиканской церкви, что примирило его с родителями.

В Швейцарии Эдуард Гиббон провел пять лет. По возвращении в Англию он опубликовал свою первую книгу «Литературные исследования», которая весьма благосклонно была встречена критикой. В 1763 году он отправился в большое и продолжительное путешествие по Европе. Среди посещенных им городов значился и Рим. Здесь у Эдуарда и появилась идея написать книгу, которая стала главным трудом и итогом его жизни. «15 октября 1764 года, —

вспоминал он в автобиографических заметках, — сидя на развалинах Капитолия, я углубился в мечты о величии Древнего Рима, а в это же время у ног моих босоногие католические монахи пели вечерню на развалинах храма Юпитера: в эту-то минуту во мне блеснула в первый раз мысль написать историю падения и разрушения Рима».

Правда, до этого момента прошло еще несколько лет, которые сам историк называл «далеко не самыми лучшими в своей жизни». В 1765 году он переселился в родительское имение, где прожил до смерти отца. Эдуард пытался писать книгу по истории Швейцарии, однако смог осилить только 60 страниц и так ее и не завершил. А труд «Литературные мемуары Великобритании» хоть и вышел из печати, однако остался совершенно незамеченным.

В 1770 году Гиббон переехал в Лондон. Спустя четыре года он был избран в палату общин британского парламента. Однако по большому счету активного участия в политической жизни Эдуард не принимал, сосредоточив свои силы на работе над «Историей упадка и разрушения Римской империи». Первый том вышел из печати 16 февраля 1776 года; он охватывал период от конца I века н. э. и до 476 года, когда пала Западная Римская империя. Гиббон собирался на этом и остановиться. Но после успеха первой книги он продолжил работу: второй и третий тома были опубликованы в марте 1781 года, четвертый — в июне 1784-го, а пятый и шестой Эдуард заканчивал в Лозанне, где он долгое время жил. 27 июня 1787 года были дописаны последние строки¹. «История упадка и разрушения Римской империи» была переведена на многие европейские языки; первый сокращенный русский перевод был опубликован в 1824 году, а полный — в 1883—1886 годах.

В 1793 году Эдуард Гиббон вернулся из Лозанны на родину. К тому времени его здоровье было сильно подорвано. 16 января 1794 года «английский великан Просвещения» скончался в Лондоне в возрасте 56 лет.

¹ В нашем издании мы публикуем компактный вариант книги с некоторыми купюрами.

Разграбление Рима вандалами в 410 году.
Картина Жозефа Ноэля Сильвестра. 1890 г.

Г Л А В А I

Объем и военные силы империи в век Антонинов

Во II столетии христианской эры владычество Рима обнимало лучшую часть земного шара и самую цивилизованную часть человеческого рода. Границы этой обширной монархии охранялись старинной славой и дисциплинированной храбростью. Мягкое, но вместе с тем могущественное влияние законов и обычаев мало-помалу скрепило связь между провинциями. Их миролюбивое население наслаждалось и злоупотребляло удобствами богатства и роскоши. Внешние формы свободных учреждений охранялись с приличной почтительностью: римский сенат, по-видимому, сосредоточивал в своих руках верховную власть, а на императоров возлагал всю исполнительную часть управления. В течение счастливого периода, продолжавшегося более восьмидесяти лет, делами государственного управления руководили добродетели и дарования Нервы, Траяна, Адриана и двух Антонинов. Настоящая глава и следующие за ней две другие главы имеют целью описать цветущее состояние их империи и затем, со времени смерти Марка Антонина, указать главные причины ее упадка и разрушения, то есть главные причины такого переворота, который останется памятным навсегда и который до сих пор отзывается на всех народах земного шара.

Главные завоевания римлян совершились при республике, а императоры большей частью довольствовались тем, что охраняли владения, приобретенные политикой сената, деятельным соревнованием консулов и воинственным энтузиазмом народа. В первые семь столетий триумфы быстро следовали одни за другими, но Августу впервые пришлось отказать от честолюбивых замыслов на всемирное владычество и внести дух воздержанности в дела государственного управления. Так как он и по своему характеру, и по своему положению был склонен к миролюбию, то ему не трудно было сообразить, что Рим при своем тогдашнем чрезмерном величии мог более потерять, нежели выиграть, от случайностей войны и что при ведении войн на большом отдалении от центра завоевания становились все более и более трудными, успех становился все более и более сомнительным, а обладание завоеванными странами становилось менее прочным и выгодным.

В первые годы его царствования его легаты попытались завладеть Эфиопией и Счастливой Аравией¹. Они зашли почти на тысячу миль к югу от тропика, но знойный климат скоро принудил завоевателей возвратиться назад и послужил охраной для миролюбивого населения этих далеких стран. На завоевание Северной Европы едва ли стоило тратить деньги и усилия. Среди лесов и болот Германии жило отважное варварское племя, презиравшее жизнь, если она не соединялась со свободой, и хотя при первом нападении на него оно, по-видимому, не могло устоять против могущества римлян², но вскоре вслед за тем оно сделало отчаянное усилие и, возвратив себе независимость, напомнило Августу о превратностях фортуны³. После смерти этого императора его завещание было публично прочитано в сенате. Он оставил своему преемнику ценное наследство, дав ему совет не расширять империи далее тех границ, на которые как будто сама природа указала ей как на ее постоянный оплот и пределы: с запада — Атлантического океана, с севера — Рейна и Дуная, с востока — Евфрата, с юга — песчаных степей Аравии и Африки.

К счастью для спокойствия человеческого рода, скромная система, рекомендованная мудростью Августа, нашла для себя поддержку в трусости и пороках его ближайших преемников. Будучи заняты пого-

¹ *Счастливая Аравия* — термин, в прошлом использовавшийся для обозначения юго-западной части Аравийского полуострова, которая славилась плодородием и природными богатствами. (*Здесь и далее, если не указано иное, — примечания редакции.*)

² Речь идет о наступательных действиях римлян против германцев в 12—9 гг. до н. э. (в ответ на вторжение германских племен в 16 г. до н. э.) под командованием пасынка Августа Друза. В результате жившие в устье Рейна германские племена признали власть римлян. В последующие годы борьба с германцами продолжалась, и к 5 г. н. э., после походов Тиберия, римляне прочно укрепились на территории между Рейном и Эльбой, где была создана новая римская провинция Германия.

³ Восстание 6—9 гг. н. э. в провинции Германия привело к неудачной экспедиции Публия Квинтилия Вара, итогом которой стал разгром германскими племенами трех римских легионов в битве в Тевтобургском лесу в 9 г. н. э.

ней за наслаждениями или актами тирании, первые Цезари редко показывались армиям или провинциям; но вместе с тем они вовсе не были расположены допускать, чтобы те триумфы, которыми пренебрегала их беспечность, служили наградой за подвиги и храбрость их легатов. Военная слава подданного считалась за дерзкое посягательство на прерогативы императора, и потому каждый римский легат считал, что и чувство долга, и его личный интерес предписывают ему охранять вверенную его попечению границу, но не мечтать о завоеваниях, которые могли бы оказаться для него самого не менее гибельными, чем для побежденных им варваров.

Британия была единственной провинцией, которую римляне присоединили к своим владениям в течение первого столетия христианской эры. В этом единственном случае преемники Цезаря и Августа нашли нужным поступить по примеру первого из них, а не по правилам второго. Близость этого острова к берегам Галлии внушала им желание овладеть им, а приятные, хотя и сомнительные, слухи о возможности добывать там жемчуг возбуждали в них алчность; впрочем, на Британию смотрели как на страну самобытную и отрезанную от остального мира, поэтому и завоевание ее едва ли считалось исключением из общих правил, которых придерживались на континенте. После войны, которая продолжалась около сорока лет, которую начал самый глупый из всех императоров, продолжал самый распутный, а окончил самый трусливый, большая часть острова попала под иго римлян. У различных племен, на которые делился британский народ, была храбрость, но не было умения ею пользоваться, была любовь к свободе, но не было единодушия. Они взялись за оружие с великим мужеством, но потом сложили его или же обратили его с сумасбродной непоследовательностью друг против друга, и в то время, как они сражались поодиночке, они были поработаны одни вслед за другими.

В то самое время, когда Домициан, запершись в своем дворце, чувствовал в себе самом тот страх, который он внушал другим, его легионы, предводимые добродетельным Агриколой, разбили соединенные силы каледонцев у подножия Грампианских гор, а его флоты, смело пускавшиеся в опасное плавание по неизвестным морям, разносили по всем пунктам острова славу римского оружия. Завоевание Британии уже считалось законченным, и Агрикола намеревался довершить и упрочить свой успех все нетрудным покорением Ирландии, для которого было бы, по его мнению, достаточно одного легиона и небольшого количества вспомогательных войск. Он полагал, что обладание лежащим на западе островом может быть очень выгодно и что британцы будут с меньшим отвращением носить свои цепи, когда

у них не будет перед глазами примера чьей-либо свободы.

Но высокие достоинства Агриколы скоро послужили поводом для его увольнения от главного командования в Британии, и его план завоеваний, весьма разумный, несмотря на свою обширность, был отложен в сторону навсегда. Перед своим отъездом этот опытный военачальник постарался упрочить обладание вновь завоеванными провинциями. Он заметил, что остров как будто делится на две неравные части находящимися по обеим его сторонам заливами, образующими то, что называют теперь Шотландским проходом (*Friths of Scotland*). На разделяющем их промежуточном пространстве длиной почти в сорок миль он устроил ряд военных стоянок, которые впоследствии — в царствование Антонина Пия — были укреплены земляным валом, возведенным на каменном фундаменте. Эта стена, выстроенная недалеко, за теперешними Эдинбургом и Глазго, должна была обозначать границу римских владений.

Таковы были границы Римской империи, и таковы были принципы императорской политики со смерти Августа и до восшествия на престол Траяна. Этот добродетельный и предприимчивый государь получил воспитание солдата и обладал дарованиями полководца. Мирлобивая система его предшественников была нарушена войнами и завоеваниями, и во главе легионов после долгого промежутка времени наконец встал император, способный ими командовать. Первые военные предприятия Траяна были направлены против одного из самых воинственных племен — даков, живших по ту сторону Дуная и в царствование Домициана безнаказанно издевавшихся над величием Рима. Со свойственными варварам мужеством и неустрашимостью в них соединялось презрение к жизни, проистекавшее из глубокого убеждения в бессмертии и переселениях души. Король даков Децебал оказался достойным соперником Траяна; он не пришел в отчаяние ни за свою судьбу, ни за судьбу своего народа, пока, по свидетельству его врагов, он не истощил всех средств, какие давали ему и его мужество, и его политика. Эта достопамятная война продолжалась, с очень короткими перерывами, пять лет, а так как император мог безотчетно располагать всеми силами империи, то она окончилась полным покорением варваров.

Траян жаждал славы, а пока человечество не перестанет расточать своим губителям похвалы более щедро, чем своим благодетелям, стремление к военной славе всегда будет порочной склонностью самых возвышенных характеров. Похвалы Александру, передававшиеся из рода в род поэтами и историками, возбудили в душе Траяна опасное соревнование. Подобно Александру, и римский император предпринял поход на Восток, но он со вздохом вы-

Римские солдаты показывают головы дакийских пленников императору Траяну.

Гравюра Пьетро Санти Бартоли по барельефам с колонны Траяна. 1672 г.

ражал сожаление, что его преклонные лета едва ли позволят ему достигнуть такой же славы, какой достиг сын Филиппа. Впрочем, успехи Траяна, несмотря на их непрочность, были быстры и блестящи. Он обратил в бегство парфян, утративших свои прежние доблести и ослабевших от междоусобицы. Он победоносно прошел вдоль берегов Тигра, начиная от гор Армении и до Персидского залива. Он был первый и вместе с тем последний из римских полководцев, плававший по этому отдаленному морю. Его флоты опустошали берега Аравии, и Траян уже ласкал себя тщетной надеждой, что он не далеко от пределов Индии. Но смерть Траяна скоро положила конец всем блестящим надеждам; тогда возникли основательные опасения, что столь отдаленные народы попытаются сбросить с себя непривычную для них зависимость, лишь только они почувствуют, что их уже не сдерживает та мощная рука, которая согнула их под это иго.

Существовало старинное предание, что, когда Капитолий был заложен одним из римских царей, бог Терм (который ведал полевыми межами и которого изображали в то время большим камнем)¹ был единственным из всех низших богов, отказавшимся уступить свое место самому Юпитеру. Авгуры объяснили это упорство в благоприятном смысле: они приняли его за несомненное предзнаменование того, что пределы римского владычества никогда не будут отодвигаться назад. В течение многих

¹ Терм (Термин) — римский бог межей, пограничных знаков, столбов, камней, которые считались священными. По преданию, культ Терма ввел второй римский царь Нума Помпилий, построивший в Риме храм в честь его и учредивший праздник — терминалии, справлявшийся в последний день римского года — 28 февраля.

столетий это предсказание способствовало своему собственному осуществлению. Но хотя Терм и был в состоянии противостоять могуществу Юпитера, он преклонился перед могуществом Адриана. Этот император начал свое царствование тем, что отказался от всех завоеваний Траяна на Востоке. Он возвратил парфянам право выбирать независимого государя, отозвал римские гарнизоны из Армении, Месопотамии и Ассирии и, согласно с принципами Августа, еще раз признал Евфрат границей империи. Благодаря привычке искать дурную сторону в общественной деятельности и в личных мотивах царствующих государей многие приписывали чувству зависти такой образ действий, который нетрудно объяснить осторожностью и умеренностью Адриана. Для такого подозрения можно бы было найти некоторое основание в изменчивом характере этого императора, способного предаваться то самым низким, то самым возвышенным влечениям. Однако он ничем не мог выставить в столь ярком свете превосходство своего предшественника, как собственным признанием, что сам он не в состоянии оберегать завоевания Траяна.

Воинственность и честолюбие Траяна представляли очень резкий контраст с умеренностью его преемника. Неутомимая деятельность Адриана была не менее замечательна и по сравнению с кротким спокойствием Антонина Пия. Жизнь первого из них была почти непрерывным путешествием, а так как он обладал разнообразными дарованиями полководца, государственного человека и ученого, то он удовлетворял все свои вкусы, исполняя свои обязанности правителя. Не чувствуя на себе ни перемен погоды, ни перемены климата, он ходил пешком с непокрытой головой и по снегам Каледонии, и по знойным равнинам Верхнего Египта, и в империи не было ни

одной провинции, которая в течение его царствования не была бы осчастливлена посещением императора. Напротив того, спокойная жизнь Антонина Пия протекла внутри Италии, и в течение его двадцатитрехлетнего управления империей самым длинным из его путешествий был переезд из его римского дворца в его уединенную виллу, находившуюся близ города Ланувия.

Несмотря на это различие в своем образе жизни, и Адриан, и оба Антонина одинаково придерживались основной системы Августа. Они твердо следовали тому правилу, что надо поддерживать достоинство империи, не пытаясь расширять ее пределов. Они даже пользовались всяким удобным случаем, чтобы приобзавать расположение варваров, и старались внушить всему миру убеждение, что римское могущество, стоящее более всяких влечений к завоеваниям, одушевлено лишь любовью к городу и к справедливости. В течение длинного, 43-летнего периода правления их благотворные усилия были увенчаны успехом, и если исключить незначительные военные действия, предпринятые ради упражнения пограничных легионов, то можно будет сказать, что царствования Адриана и Антонина Пия представляют приятную картину всеобщего мира. Римское имя было уважаемо у самых отдаленных народов земного шара. Самые надменные варвары нередко обращались в своих расприх к посредничеству императоров, и один из живших в то время историков сообщает нам, что он видел тех послов, которые приезжали просить о принятии их народа в римское подданство, но получили отказ.

Страх, который внушало военное могущество Рима, придавал умеренности императоров особый вес и достоинство. Они сохраняли мир тем, что были всегда готовы к войне, и, руководствуясь в своих действиях справедливостью, в то же время давали чувствовать жившим вблизи от границ империи племенам, что они так же мало расположены выносить обиды, как и причинять их. Марк Аврелий употребил в дело против парфян и германцев те военные силы, которые Адриан и старший Антонин лишь держали наготове. Нападения варваров вывели из терпения этого монарха-философа: будучи вынужден взяться за оружие для обороны империи, он частью сам, частью через своих военачальников одержал несколько значительных побед на берегах Евфрата и Дуная. Здесь будет уместно изучить римскую военную организацию и рассмотреть, почему она так хорошо обеспечивала и безопасность империи, и успех военных предприятий.

Во времена республики, когда нравы были более чисты, за оружие брался тот, кого воодушевляла любовь к отечеству, кому нужно было оберегать свою собственность и кто принимал некоторое участие

в издании законов, которые ему приходилось охранять ради личной пользы и по чувству долга. Но по мере того, как общественную свободу поглощали обширные завоевания, военное дело мало-помалу возвышалось до степени искусства и мало-помалу унижалось до степени ремесла. Даже в то время, когда легионы пополнялись рекрутами из самых отдаленных провинций, предполагалось, что они состоят из римских граждан. Это почетное название вообще считалось или легальной принадлежностью воина, или самой приличной для него наградой; но более серьезное внимание обращалось на существенные достоинства возраста, силы и роста. При наборах рекрутов весьма основательно отдавалось предпочтение северному климату над южным; людей самых годных для военного ремесла предпочтительно искали не в городах, а в деревнях, и от тех, кто занимался тяжелым кузнечным и плотничьим ремеслом или охотничьим промыслом, ожидали более энергии и отваги, нежели от тех, кто вел сидячую жизнь торговца, удовлетворяющего требованиям роскоши. Даже тогда, когда право собственности перестало считаться необходимым условием для занятия военных должностей, командование римскими армиями оставалось почти исключительно в руках офицеров из хороших семейств и с хорошим образованием; но простые солдаты — подобно тем, из которых составляются наемные войска в современной нам Европе, — набирались между самыми низкими и очень часто между самыми развратными классами населения.

Та общественная добродетель, которая у древних называлась патриотизмом, имеет своим источником глубокое убеждение, что наши собственные интересы тесно связаны с сохранением и процветанием той свободной системы правления, в которой мы сами участвуем. Такое сознание сделало легионы Римской республики почти непобедимыми; но оно не могло иметь большого влияния на наемных слуг деспотических государей, а потому оказалось необходимым восполнить недостаток этих мотивов другими мотивами совершенно иного характера, но не менее сильными — чувством чести и религией. Крестьянин или ремесленник проникался полезным убеждением, что, вступая в военную службу, он избирал благородную профессию, в которой его повышение и его репутация будут зависеть от его собственной доблести, и что, если подвиги простого солдата нередко и остаются в неизвестности, все-таки его поведение может иногда покрыть славой или бесчестьем целую роту, целый легион и даже всю армию, с которой связана его собственная судьба. При самом вступлении его в службу он должен был приносить присягу, которой всячески старались придать самую торжественную обстановку. Он клялся, что никогда не покинет своего знамени, что подчинит свою волю

приказаниям своих начальников и что будет жертвовать своей жизнью для защиты императора и империи. Привязанность римских войск к их знаменам внушалась совокупным влиянием религии и чувства чести. Золотой орел, блестящий во главе легиона, был для них предметом самого искреннего благоговения, а покинуть в минуту опасности этот священный символ считалось столько же бесчестьем, сколько позором. Эти мотивы, заимствовавшие свою силу у воображения, подкреплялись страхами и надеждами, у которых были более существенные основания. Исправно выплачиваемое жалование, по временам подарки и определенная награда после выслуги установленного срока — вот чем облегчались трудности военной службы, а с другой стороны, ни трусость, ни неповиновение не могли избежать самого строгого наказания. Центурионы имели право подвергать провинившихся телесным наказаниям, а командиры имели право наказывать их смертью. В римской дисциплине считалось неизменным правилом, что хороший солдат должен бояться своих командиров гораздо более, нежели неприятеля. Благодаря таким похвальным порядкам храбрость императорских войск приобрела такую непоколебимость и такую дисциплину, каких не могло достигнуть стремительное и порывистое мужество варваров.

Римляне так хорошо понимали недостаточность храбрости, которая не соединяется со знанием и практикой, что на их языке название армии заимствовано от слова, которое значит «упражнения». Военные упражнения составили в них главную и постоянную цель дисциплины. Рекруты и молодые солдаты постоянно упражнялись и утром и вечером, и даже ветеранам, несмотря на их лета и опытность, не позволялось уклоняться от ежедневных повторений того, что они уже знали в совершенстве. На зимних стоянках устраивались для войск широкие навесы для того, чтобы не прерывать военных упражнений даже в самую дурную погоду; при этом тщательно наблюдалось, чтобы оружие, употреблявшееся при этих искусственных подражаниях военным действиям, было вдвое тяжелее того, которое требовалось для настоящих сражений. Подробное описание римских военных упражнений не входит в план этого сочинения, поэтому я ограничусь замечанием, что в эти упражнения входило все, что могло способствовать развитию физической силы, гибкости членов и грации движений.

Девятисотлетние войны мало-помалу внесли в военную службу много изменений и улучшений. Легионы, какими их описывал Полибий¹ и какими

Римские легионеры времен Антонина Пия.
Рельеф цоколя колонны Антонина Пия. 161 г.

они были во времена Пунических войн, существенно отличались от тех, с которыми побеждал Цезарь или которые охраняли монархию Адриана и Антонинов. Организацию императорского легиона можно объяснить в немногих словах. Тяжеловооруженная пехота, составлявшая главную его силу, разделялась на десять когорт и пятьдесят пять центурий, находившихся под начальством такого же числа трибунов и центурионов. Первая когорта, которой принадлежало право всегда занимать почетный пост и охранять орла, состояла из тысячи ста пяти солдат, выбранных из самых храбрых и самых надежных. Остальные девять когорт состояли из 555 человек каждая, а во всем отряде пехоты, входившем в состав легиона, было до 6100 человек. Их вооружение было однообразно и удивительно хорошо приспособлено к обязанностям их службы; они носили открытый шлем с высоким султаном, кирасы или кольчугу, ножные латы и на левой руке большой щит. Этот щит имел форму продолговатую и вогнутую, был четырех футов в длину и двух с половиной в ширину; он был сделан из легкого дерева, обтянутого воловьей кожей и покрытого толстыми листами меди. Кроме легкого копья легионный солдат держал в правой руке тяжелый дротик, называвшийся *pilum*, который имел в длину около шести футов и к которому был приделан массивный треугольный наконечник из стали 18 дюймов в длину.

Лишь только римлянин бросал свой *pilum*, он тотчас бросался на неприятеля с мечом в руке. Этот меч был короткий, из хорошей стали («испанский клинок»), заостренный с обеих сторон и одинаково удобный для того, чтобы ударять, и для того, чтобы колоть; впрочем, солдат всегда учили предпочитать

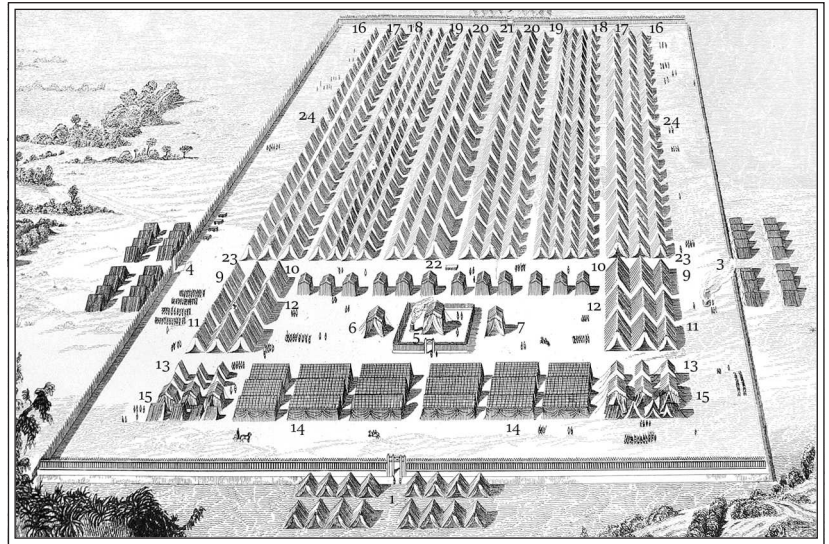
¹ Полибий (ок. 200 — ок. 120 до н. э.) — древнегреческий историк, государственный деятель и военачальник; автор «Всеобщей истории» в 40 томах, из которых до нашего времени дошли первые пять.

План римского лагеря (castrum).

Гравюра Антонио Рока. 1852 г.

На плане указаны:

- (1) преторианские ворота;
- (2) декуманские ворота;
- (3) правые ворота; (4) левые ворота;
- (5) преторий (палатка полководца);
- (6) форум; (7) квесторий (палатка квестора); (8) палатки трибунов; (9) палатки префектов союзников; (10) палатки легатов;
- (11) вольноопределяющаяся конница; (12) вольноопределяющаяся пехота; (13) специальные отряды конницы; (14) специальные отряды пехоты; (15) вспомогательные войска; (16) пехота союзников; (17) конница союзников;
- (18) гастаты; (19) принципы;
- (20) триари; (21) римская конница; (22) жертвенник;
- (23) главный проход;
- (24) проход пятой когорты.

этот второй способ употребления, так как в этом случае они менее открывали самих себя, а между тем нанесенная противнику рана была более опасна. Легион обыкновенно выстраивался в восемь линий в глубину, а между линиями, точно так же как и между рядами, оставлялось пространство в три фута. Войска, привыкшие сохранять такой строй в длину всего фронта и при быстром натиске, были всегда готовы исполнить всякое движение, какого могли потребовать от них ход сражения или искусство их начальников. У солдат было достаточно места и для их оружия, и для их движений, и, сверх того, между ними сохранялись промежутки, достаточные для того, чтобы можно было вводить подкрепления для замены тех, кто был не в силах долее сражаться. Военная тактика греков и македонян была основана на совершенно иных принципах. Сила фаланги заключалась в 16 рядах длинных пик, находившихся одна от другой в самом близком расстоянии. Но и размышление, и опыт скоро доказали, что сила фаланги не могла соперничать с ловкостью легиона.

Кавалерия, без которой сила легиона была бы неполной, разделялась на десять отрядов, или эскадронов; в первом из них, как состоявшем при первой когорте, было 132 человека, а в каждом из остальных девяти только по 66; все эти отряды, вместе взятые, — если нам позволено будет употребить новейший термин, — составляли полк из 726 всадников. Каждый полк, натурально, состоял при своем легионе, но в некоторых случаях отделялся от него, чтобы выстроиться в линию и действовать на одном из флангов армии.

При императорах кавалерия уже не состояла, как во времена республики, из лучшей молодежи Рима и Италии, приготовлявшей себя кавалерийскою

службой к должностям сенаторским и консульским и старавшейся приобрести военными подвигами голоса своих соотечественников на будущих выборах. Траян и Адриан набирали людей для своей кавалерии из тех же провинций и из тех же классов своих подданных, из которых набирались рекруты для легионов. Лошадей получали большей частью из Испании и Каппадокии. Римские кавалеристы относились с презрением к полному вооружению, которым обременяла себя кавалерия восточных народов. Самую необходимую часть их вооружения составляли: шлем, продолговатый щит, легкие сапоги и кольчуга. Их главным оружием для нападения были дротик и длинный широкий меч. Употребление копья и железной палицы они, кажется, заимствовали от варваров.

Лагерь римского легиона имел наружный вид укрепленного города. Лишь только было намечено для него место, саперы тщательно выравнивали почву, устраняя все, что могло мешать ее совершенной гладкости. Он имел форму правильного четырехугольника, и, по нашему соображению, внутри квадрата приблизительно в 700 ярдов могли расположиться лагерем 20 тысяч римлян, хотя такое же количество войск в наше время могло бы развернуть перед неприятелем фронт в три раза более длинный. Посреди лагеря возвышалась над всеми другими палатка главнокомандующего (*praetorium*); кавалерия, пехота и вспомогательные войска занимали назначенные им места; улицы были широкие и совершенно прямые, а между палатками и валом оставлялось со всех сторон пустое пространство в 200 футов. Сам вал обыкновенно имел 12 футов в высоту; он был обнесен плотной палисадой и был окружен рвом двенадцати футов в глубину и в ширину. Эту важную работу исполняли сами легионные солдаты, так же

хорошо умеющие владеть заступом и лопатой, как они владели мечом или *pilum*’ом. Воинская храбрость нередко бывает природным даром, но такое терпеливое усердие может быть только плодом привычки и дисциплины

Лишь только трубный звук подавал сигнал к передвижению, лагерь был почти мгновенно снят, и войска размещались по своим шеренгам без замедления и без замешательства. Кроме оружия, в котором легионные солдаты едва ли находили для себя какое-либо обременение, они несли на себе кухонные принадлежности, орудия для возведения укреплений и провизии на несколько дней. Под этой ношей, которая была бы слишком обременительна для солдат нашего времени, они были приучены делать мерным шагом около двадцати миль в шесть часов. При появлении неприятеля они сбрасывали в сторону свой багаж, и благодаря легким и быстрым маневрам колонна изменяла свой походный строй и выстраивалась в боевом порядке. Прашники и стрелки из лука перестреливались впереди фронта, вспомогательные войска составляли первую линию; легионы помогали им или поддерживали их; кавалерия прикрывала фланги, а военные машины помещались в арьергарде.

Такова была военная организация, с помощью которой римские императоры охраняли свои обширные завоевания и поддерживали воинственный дух в такое время, когда все другие добродетели были подавлены роскошью и деспотизмом. Если же мы перейдем от дисциплины римских армий к их численному составу, то мы найдем, что этот последний едва ли может быть определен даже с приблизительной точностью. Впрочем, есть основание полагать, что легион состоял из 6831 римлянина, а вместе с находившимися при нем вспомогательными войсками доходил почти до 12 500 человек. При Адриане и его преемниках вся армия состояла в мирное время не менее как из тридцати таких грозных бригад и представляла, по всей вероятности, численную силу в 375 тысяч человек. Вместо того чтобы запирались внутри стен укрепленных городов, на которые римляне смотрели как на убежище слабости и трусости, легионы стояли лагерями на берегах больших рек или вдоль границ, отделявших римские владения от варваров.

Флот, который содержали императоры, мог бы показаться не соответствующим их величию; однако он был вполне достаточен для всех полезных правительственных целей. Честолюбие римлян ограничивалось твердой землей, и этот воинственный народ никогда не воодушевлялся тем духом предприимчивости, благодаря которому мореплаватели тирские, карфагенские и даже марсельские расширили пределы известного тогда мира и исследовали самые отдаленные берега океана. Для римлян океан всегда

был скорее предметом ужаса, чем любопытства; после разрушения Карфагена и истребления морских разбойников Средиземное море на всем своем протяжении было окаймлено их владениями. Политика императоров была направлена только к тому, чтобы охранять мирное господство над этим морем и оказывать покровительство торговле их подданных. В этих скромных видах Август назначил постоянным местом стоянки двух флотов самые удобные порты Италии — для одного Равенна на Адриатическом море, для другого — Мизено в Неаполитанском заливе. Древние народы в конце концов убедились по опыту, что, лишь только их галеры превышали два или по большей мере три ряда весел, они становились более годными для пустого наружного блеска, чем для настоящей службы. Сам Август мог заметить во время сражения при Акциуме¹ превосходство его собственных легких фрегатов (называвшихся *либурнскими*) над высокими, но неповоротливыми укрепленными судами его противника. Из этих *либурнских* галер он образовал флоты Равеннский и Мисенский, из которых первый должен был господствовать над восточной частью Средиземного моря, а второй — над западной, и к каждой из этих эскадр он прикомандировал отряд из нескольких тысяч матросов. Кроме этих двух портов, которые можно считать главными средоточиями римского флота, очень значительные морские силы постоянно находились во Фрежюсе у берегов Прованса, а Эвксинский Понт охранялся сорока судами и тремя тысячами солдат. Ко всему этому следует присовокупить флот, охранявший сообщение между Галлией и Британией, а также значительное число судов, постоянно находившихся на Рейне и на Дунае, для того чтобы наводить страх на соседние страны и препятствовать переправе варваров.

Если же мы сделаем обзор всего состава военных сил империи, как кавалерии, так и пехоты, как легионов, так и вспомогательных войск, гвардии и флота, то мы, даже не скупясь на самые крупные цифры, не будем в состоянии определить численность всех этих морских и сухопутных сил более чем в 450 тысяч человек; а это такая военная сила, которая — как бы она ни казалась грозной — равнялась военным силам монарха, царствовавшего в прошедшем столетии над таким государством, которое когда-то составляло лишь одну из провинций Римской империи².

Мы постарались выяснить, каким образом дух умеренности сдерживал в известных границах мо-

¹ Сражение при Акциуме — битва между флотами Октавиана Августа и Марка Антония в ходе гражданской войны в Риме. Произошло 2 сентября 31 г. до н. э. около мыса Акций (Пунта) в Ионическом море и закончилось победой Октавиана.

² Имеются в виду Людовик XIV и Франция.

гущество Адриана и Антонинов и на какие военные силы опиралось это могущество; теперь нам предстоит описать с ясностью и точностью те провинции, которые когда-то были соединены под их владычеством, но которые в настоящее время разделены на множество независимых и враждующих одно с другим государств.

Испания, эта западная оконечность империи, Европы и всего древнего мира, неизменно сохраняла во все века одни и те же натуральные границы — Пиренейские горы, Средиземное море и Атлантический океан. Этот большой полуостров, в настоящее время так неравно разделенный между двумя монархами, был разделен Августом на три провинции — Лузитанию, Бетику и Таррагону. Королевство Португальское занимает теперь место воинственной страны лузитанцев, а за то, что оно потеряло с восточной стороны, оно было вознаграждено территориальными приобретениями на севере. Границы Гранады и Андалузии соответствуют границам древней Бетики. Остальные части Испании, как то: Галисия и Астурия, Бискайя и Наварра, Леон и обе Кастилии, Мурсия, Валенсия, Каталония и Арагон, входили в состав третьей и самой значительной из римских провинций, которая по имени своей столицы называлась провинцией Таррагонской. Между туземными варварами кельтиберы были самые могущественные, а кантабры и астурийцы самые непокорные. Рассчитывая на неприступность своих гор, они после всех других преклонились перед римским могуществом и первыми сбросили с себя иго арабов.

Древняя Галлия, обнимавшая все страны между Пиренеями, Альпами, Рейном и океаном, была обширнее современной нам Франции. К владениям этой могущественной монархии, недавно расширившимся приобретением Эльзаса и Лотарингии, мы должны прибавить Савойское герцогство, швейцарские кантоны, четыре рейнских курфюршества и территории Люттиха (Льежа), Люксембурга, Геннегау, Фландрии и Брабанта. Когда Август стал издавать законы для завоеванных его отцом стран, он разделил Галлию, сообразуясь с местами, которые были заняты легионами, с течением рек и с главными этническими особенностями страны, заключавшей в себе более ста самостоятельных государств. Примакающие к берегам Средиземного моря Лангедок, Прованс и Дофине получили название своей провинции от Нарбонской колонии. Аквитанская провинция была расширена от Пиренеев до Луары. Страна между Луарой и Сеной была названа Кельтической Галлией и скоро вслед за тем получила новое название, заимствованное от знаменитой колонии *Lugdunum*, или Лион. По ту сторону Сены находилась Бельгия, ограниченная в более древние времена одним Рейном; но незадолго до века Цезаря германцы, поль-

зуясь преимуществами, которые дает храбрость, заняли значительную часть бельгийской территории. Римские завоеватели поспешили воспользоваться таким лестным для их тщеславия обстоятельством, и рейнская граница Галлии от Базеля до Лейдена получила пышное название Верхней и Нижней Германии. Таким образом, Галлия в царствование Антонинов заключала в себе шесть провинций: Нарбонскую, Аквитанскую, Кельтическую, или Лионскую, Бельгийскую и две Германские.

Мы уже имели случай упомянуть о завоевании Британии и указать границы римских владений на этом острове. Они заключали в себе всю Англию, Уэльс и плоскую часть Шотландии до прохода при Дамбартоне и Эдинбурге. Перед тем как лишиться своей независимости, Британия была неравномерно разделена между тридцатью варварскими племенами, из которых самыми значительными были белги на западе, бриганты на севере, силуры в Южном Уэльсе и ицены в Норфолке и Саффолке. Судя по сходству нравов и языка, можно полагать, что Испания, Галлия и Британия были населены одной и той же отважной расой дикарей. Прежде чем подпасть под римское владычество, они выдержали немало сражений и не раз возобновляли борьбу. Когда они были покорены, их страны вошли в состав западной части европейских провинций, простиравшейся от Геркулесовых столбов¹ до Стены Антонина и от устья Тахо до истоков Рейна и Дуная.

Страна, известная в настоящее время под именем Ломбардии, не считалась до римских завоеваний составной частью Италии. Галлы завели в ней могущественную колонию и, расселившись по берегам По от Пьемонта до Романьи, распространили славу своего оружия и своего имени от Альп до Апеннин. Лигурийцы жили на утесистом побережье, входящем в настоящее время в состав Генуэзской республики. Венеция еще не существовала в то время, но та часть этой области, которая лежит к востоку от Адидже, была населена венецами. Средняя часть полуострова, состоящая в настоящее время из герцогства Тосканского и папских владений, была в древности населена этрусками и умбрами; от первых из них Италия получила зачатки своей цивилизации. Тибр катил свои волны у подножия семи холмов Рима, а страна сабинов, латинов и вольсков от этой реки и до границ Неаполя была театром первых побед республики. На этой-то знаменитой территории первые консулы удостоивались триумфов, их преемники

¹ *Геркулесовы столбы* — в Античности этим названием обозначали две высоты, обрамлявшие вход в Гибралтарский пролив: северная (со стороны Европы) — Гибралтарская гора, расположенная в британском владении Гибралтар, южная (со стороны Африки) — возвышенность возле Сеуты, испанского анклава на западном побережье Африки.

Провинции Римской империи в конце I — начале II веков н. э.

украшали свои загородные дома, а их потомство выстроило монастыри. Капуя и Кампания занимали саму территорию Неаполя; остальная часть Неаполитанского королевства была населена несколькими воинственными народами — марсами, самнитами, апулийцами и луканами, а побережье было усеяно цветущими греческими колониями. Следует также заметить, что, когда Август разделит Италию на одиннадцать областей, маленькая провинция Истрия была присоединена к этому средоточию римского владычества.

Европейские провинции Римской империи охранялись Рейном и Дунаем. Последняя из этих больших рек, берущая свое начало на расстоянии только 30 миль от первой, течет на протяжении более 1300 миль, большей частью в юго-восточном направлении, принимает в себя воды 60 судоходных рек и, наконец, впадает шестью рукавами в Эвксинское море, которое кажется достаточно обширным, чтобы вместить в себя такую массу воды. Дунайские провинции скоро получили общее название Иллирия или Иллирийская граница; они считались самыми воинственными во всей империи. Впрочем, они стоят того, чтобы мы упомянули о каждой из них в отдельности; то были: Реция, Норик, Паннония, Далмация, Дакия, Мезия, Фракия, Македония и Греция.

Провинция Рецийская, в которой когда-то жили винделики, простиралась от Альп до берегов Дуная, от его источников до его слияния с Инном. Большая часть равнин подчинена теперь курфюрсту Баварскому; город Аугсбург охраняется конституцией Германской империи; гризоны живут в безопасности среди своих гор, а Тироль составляет одну из многочисленных провинций, принадлежащих Австрийскому дому.

Обширная территория, лежащая между Инном, Дунаем и Савой, то есть Австрия, Штирия, Каринтия, Карниола, Южная Венгрия и Славония, была известна древним под именами Норика и Паннии. В своем первобытном независимом положении гордые обитатели этих провинций были тесно связаны между собой. Под римским управлением они нередко составляли одно целое, а в настоящее время они принадлежат к наследственным владениям одного семейства. На их территории сейчас находится резиденция того немецкого государя, который называет

себя римским императором, и они составляют как центр, так и главную опору австрийского могущества. Может быть, не лишним будет заметить, что, за исключением Богемии, Моравии, северных окраин Австрии и той части Венгрии, которая лежит между Тисой и Дунаем, все остальные владения Австрийского дома входили в состав Римской империи.

Далмация, которая более всех других имела право называться Иллирией, состояла из длинной, но узкой полосы земли между Савой и Адриатическим морем. Большая часть побережья, до сих пор сохранившая свое старинное название, составляет провинцию, принадлежащую Венеции, и вмещает в себя маленькую Рагузскую республику. Внутренность страны получила славонские названия Кроация¹ и Босния; первая из них управляется австрийским губернатором, а вторая — турецким пашой; но вся эта страна до сих пор еще опустошается варварскими племенами, дикая самостоятельность которых служит изменчивым указателем неясной пограничной черты между христианскими и мусульманскими владениями.

С того места, где впадают в Дунай воды Тисы и Савы, он получил, по крайней мере между греками, название Истр. В прежнее время он отделял Мезию от Дакии; эта последняя, как было ранее замечено, была завоевана Траяном и была единственной римской провинцией по ту сторону этой реки. Если же мы посмотрим на теперешнее положение этих стран, то мы найдем, что на левой стороне Дуная Темешвар и Трансильвания были, после многих переходов, присоединены к Венгерской короне, тогда как княжества Молдавия и Валахия признали над собой верховенство Оттоманской Порты; а находящаяся

¹ Т. е. Хорватия.

на правой стороне Дуная Мезия, делившаяся в средние века на два варварских королевства — Сербию и Болгарию,— снова попала в рабство к туркам.

Название Румелия, которое турки до сих пор дают Фракии, Македонии и Греции, есть отголосок воспоминания о том, что эти страны когда-то принадлежали Римской империи. Населенная воинственным народом Фракия сделалась при Антонинах римской провинцией, простиравшейся от гор Хемус и Родопы до Босфора и Геллеспонта. Несмотря на перемену властителей и религии, новый Рим, основанный Константином на берегах Босфора, остался до сих пор столицей великой монархии. Царство Македонское, предписывавшее Азии законы в царствование Александра, получило более солидные выгоды от политики двух Филиппов и вместе с принадлежавшими ему Эпиром и Фессалией простиралось от Эгейского до Ионического морей. Когда мы вспоминаем о славе Фив и Аргоса, Спарты и Афин, нам становится трудно поверить, что столько бессмертных республик Древней Греции сливалось в одну провинцию Римской империи, обыкновенно называвшуюся Ахейской вследствие преобладания в ней Ахейского союза.

Таково было положение Европы при римских императорах. Азиатские провинции империи, не исключая из них и непрочных завоеваний Траяна, все находятся в настоящее время в пределах турецкого владычества. Но вместо того чтобы придерживаться произвольных разделений на провинции, придуманных деспотизмом и невежеством, для нас будет и полезнее, и приятнее рассмотреть неизгладимые особенности, лежащие в самой природе этих стран. Малой Азией довольно основательно называют тот полуостров, который, гранича к востоку с Евфратом, выдвигается к Европе между Эвксинским Понтом и Средиземным морем. Самая обширная и самая плодородная его часть, лежащая к западу от горы Тавр и реки Галис, была удостоена римлянами исключительного прозвища Азия. Эта провинция заключала в себе древние монархии — Троянскую, Лидийскую и Фригийскую, приморские страны Памфилию, Ликию и Карию и греческие колонии в Ионии, достигшие одинаковой славы с их метрополией если не на военном поприще, то на поприще искусств. Царства Вифиния и Понт владели северной частью полуострова — от Константинополя до Трапезунда.

Находившаяся на противоположной его стороне провинция Киликия простиралась до гор Сирии; внутренняя часть страны, отделявшаяся от Римской Азии рекой Галис, а от Армении Евфратом, когда-то составляла самостоятельное царство Каппадокийское. Здесь уместно заметить, что северные берега Эвксинского Понта далее Трапезунда в Азии и далее берегов Дуная в Европе находились под властью императоров, от которых получали или вассальных

властителей, или римские гарнизоны. В настоящее время эти дикие страны носят название Будзьяк, Крымская Татария, земли черкесов и Мингрелия.

При преемниках Александра Сирия сделалась центром монархии Селевкидов, господствовавших над Верхней Азией до тех пор, пока удачное восстание парфян не ограничило их владений землями, лежащими между Евфратом и Средиземным морем. После того как Сирия была завоевана римлянами, она сделалась их пограничной провинцией на востоке; она, при своем самом большом объеме, никогда не простиралась далее Каппадокийских гор на севере, Египта и Красного моря на юге. Финикия и Палестина иногда присоединялись к Сирии, иногда управлялись отдельно. Первая из них занимала узкую и утесистую полосу побережья, а вторая едва ли превосходила Уэльс своим плодородием и объемом. Тем не менее и Финикия, и Палестина будут вечно жить в памяти человеческого рода, так как и Америка, и Европа получили от одной из них искусство письма, а от другой — религию. Песчаная степь, и безлесная, и безводная, тянется вдоль не определенных с точностью границ Сирии от Евфрата до Красного моря. Бродячая жизнь арабов была неразрывно связана с их независимостью, и всякий раз, как они пытались поселиться на постоянное жительство на каком-нибудь менее других неплодородном месте, они очень скоро делались подданными Римской империи.

Древние географы нередко недоумевали, к какой части земного шара следует отнести Египет. По своему положению эта знаменитая страна принадлежит к громадному Африканскому матерiku, но она доступна только со стороны Азии, которая при всех своих переворотах всегда влияла на ее судьбу почти во все периоды ее истории. На великолепном троне Птолемея восседал римский префект, а железный скипетр мамелюков находится в настоящее время в руках турецкого паши. Нил протекает по стране на протяжении более 500 миль — от тропика Рака до Средиземного моря — и определяет высотой своего разлива степень ее плодородия. Кирена, лежавшая к западу вдоль морского берега, была сначала греческой колонией, потом египетской провинцией, а теперь затерялась в степях Барки.

От Килены до океана африканское побережье тянется более чем на 1500 миль, но оно так стиснуто между Средиземным морем и Сахарой или песчаной степью, что его ширина редко превышает 80 или 100 миль. Под именем Африканской провинции римляне разумели преимущественно его восточную часть. До прибытия финикийских колоний эта плодородная страна была населена ливийцами, одним из самых диких народов земного шара; когда она находилась под управлением карфагенян, она сделалась центром деятельной торговли и обширной им-

перии; но место Карфагенской республики занимают теперь слабые и раздираемые смутами Триполи и Тунис. Большая часть Нумидии, когда-то составлявшей одно государство под управлением Массиниссы и Югурты, в настоящее время страдает под гнетом Алжирского военного управления; но во времена Августа пределы Нумидии были сужены, и по меньшей мере две трети страны были соединены под названием Мавритания с эпитетом Цезарская.

Настоящая Мавритания, или страна мавров, носившая название Тингитана по имени древнего города Тингис, или Танжер, образует в настоящее время королевство Фес. Лежащая на берегу океана Сала, приобретающая в наше время столь постыдную известность хищничеством своих пиратов, считалась римлянами крайним пунктом их владений, далее которого едва ли и простирались их географические сведения. До сих пор еще видны следы римского города подле Мекнеса, столицы того варварского правителя, которого мы величаем императором Марокским; но, как кажется, ни южная часть его владений, ни сами Марокко или Сегельмесса никогда не входили в состав римской провинции. Западная часть Африки перерезывается в различных направлениях отрогами горы Атлас, имя которой было когда-то прославлено досужей фантазией поэтов, а теперь обозначает громадный океан, катящий свои волны между континентами Старого и Нового Света.

Окончив обзор всех провинций Римской империи, мы можем добавить, что Африка отделяется от Испании проливом шириной почти в 12 миль, через который воды Атлантического океана вливаются в Средиземное море. Геркулесовы столбы, столь прославленные древними, не что иное, как две горы, по-видимому, оторванные одна от другой каким-нибудь конвульсивным напором стихий; у подножия той из них, которая принадлежит к Европейскому материка, в настоящее время лежит крепость Гибралтар. Средиземное море на всем своем про-

тяжении, вместе со своими берегами и островами, находилось в пределах римских владений. Из более значительных островов два Балеарских, получившие сообразно с их сравнительной величиной названия Майорка и Менорка, принадлежат теперь первой Испании, а второй — Великобритании. Настоящее положение Корсики более достойно сожаления, чем описания. Два итальянских государя носят титулы королей Сардинии и Сицилии. Крит, или Кандия, Кипр и большая часть маленьких греческих и азиатских островов были завоеваны турками, тогда как маленький утесистый остров Мальта устоял против их могущества и сделался славен и богат под управлением своего военного Ордена.

Это длинное перечисление провинций империи, из развалин которой образовалось столько могущественных государств, способно заставить нас быть снисходительными к тщеславию и невежеству древних. Так как они были ослеплены громадностью владений, непреодолимостью могущества и действительной или притворной умеренностью императоров, то они позволяли себе презирать, а иногда и совсем забывать отдаленные страны, которым было дозволено наслаждаться варварской независимостью, и мало-помалу дошли до того, что позволили себе принимать Римскую империю за весь земной шар. Но склад ума и познания новейшего историка требуют от него более сдержанности и точности в выражениях. Он даст более верное понятие о величии Рима, когда скажет, что империя простиралась в ширину более чем на две тысячи миль от Стены Антонина и северных границ Дакии до Атласских гор и тропика Рака; что ее длина от Западного океана до Евфрата превышала три тысячи миль; что она обнимала лучшую часть умеренного пояса между 24 и 56 градусами северной широты и что она, как полагают, вмещала в себя более 1 600 000 квадратных миль, большей частью состоявших из плодородных и хорошо обработанных земель.

Г Л А В А I I

О единстве и внутреннем благоденствии Римской империи в век Антонинов

Не одной только быстротой или обширностью завоеваний должны мы измерять величие Рима. Ведь государь, царствующий над русскими степями, имеет под своей властью еще более обширную часть земного шара. В седьмое лето после своей переправы через Геллеспонт Александр воздвигнул македонские трофеи на берегах Гифазиса. В течение менее ста лет непобедимый Чингисхан и происходившие от одного с ним рода монгольские власти распространили свои жестокие опустошения и свое временное владычество от Китайских морей до пределов Египта и Германии. Но прочное здание римского могущества и было воздвигнуто, и оберегалось мудростью многих веков. Покорные провинции Траяна и Адриана были тесно связаны между собой общими законами и наслаждались украшавшими их изящными искусствами. Им, может быть, иногда и приходилось выносить злоупотребления лиц, облеченных властью, но общие принципы управления были мудры, несложны и благотворны. Их жители могли спокойно исповедовать религию своих предков, а в том, что касается гражданских отличий и преимуществ, они мало-помалу приобретали одинаковые права со своими завоевателями.

1. Политика императоров и сената по отношению к религии находила для себя полезную поддержку в убеждениях самых просвещенных между их подданными и в привычках самых суеверных. Суеверие народа не разжигалось какой-либо примесью теологического озлобления и не стеснялось оковами какой-либо спекулятивной системы. Хотя благочестивый политеист и был страстно привязан к своим народным обрядам, это не мешало ему относиться с безотчетным доверием к различным религиям земного шара. Коль скоро было признано, что мудрецы и герои, жившие или умершие для блага своей родины, удостоиваются высшего могущества и бессмертия, то нельзя было также не признать, что они достойны если не обоготворения, то по меньшей мере уважения всего человеческого рода.

Так краток был дух древнего времени, что народы обращали внимание не столько на различия, сколько на сходство их религиозных обрядов. И греки, и рим-

ляне, и варвары, собираясь у своих алтарей, без труда приходили к убеждению, что, несмотря на различие названий и церемоний, они поклоняются одним и тем же божествам, а изящная гомеровская мифология придавала политеизму древнего мира красоту и даже некоторую правильность формы.

Греческие философы искали основы для своих понятий о нравственности скорее в натуре человеческой, чем в натуре божеской. Однако свойства божества были для них интересным и важным предметом размышлений, и в своих глубоких исследованиях этого предмета они обнаружили и силу, и слабость человеческого разума. Из числа четырех самых знаменитых философских школ¹ стоики и платоники были те, которые старались примирить противоположные интересы разума и благочестия. Они оставили нам самые возвышенные доказательства существования и совершенств первопричины всех вещей; но так как для них было невозможно постичь создание материи, то в стоической философии творец недостаточно отличался от творения, тогда как, напротив того, бестелесный бог Платона и его последователей походил скорее на отвлеченную идею, чем на реальное существо. Мнения академиков и эпикурейцев по своему существу были менее религиозны; но в то время, как скромные познания первых довели их до сомнений, положительное невежество вторых заставило их отвергать Промысел Верховного Правителя. Дух исследований, возбужденный соревнованием и поддержанный свободой, разделил публичных преподавателей философии на множество состязавшихся одна с другой сект, но благородное юношество, стекавшееся со всех сторон в Афины и в другие центры просвещения, научалось во всякой школе отвергать и презирать религию толпы. И действительно, мог ли философ принимать за божественные истины досужие выдумки поэтов и бессвязные предания древности? Мог ли он поклоняться как богам тем несовершенным существам, которых он презирал бы как людей?

¹ Речь идет об Академии Платона, Ликее Аристотеля (перипатетической школе), стоической школе Зенона и эпикурейской школе («философы сада» Эпикура).

Несмотря на то что неверие вошло в моду в веке Антонинов, и интересы жрецов, и суеверие народа пользовались достаточным уважением. И в своих сочинениях, и в устных беседах древние философы поддерживали самостоятельные достоинства разума, но свои действия они подчиняли велениям законов и обычаев. Взирая с улыбкой сожаления и снисходительности на различные заблуждения простого народа, они все-таки усердно исполняли религиозные обряды своих предков, с благоговением посещали храмы богов и даже иногда снисходили до деятельной роли на театре суеверий, скрывая под священническим облачением чувства атеиста. При таком настроении ума философы, натурально, не были склонны вступать в споры касательно догматов веры или форм богослужения. Им было все равно, в какую бы форму ни облекалось безрассудство толпы, и они приближались с одинаковым чувством тайного презрения и к алтарю Юпитера Ливийского, и к алтарю Юпитера Олимпийского, и к алтарю того Юпитера, которому поклонялись в Капитолии.

Трудно себе представить, каким путем мог бы дух преследований проникнуть в систему римского управления. Высшие должностные лица не могли впасть в слепое, хотя бы и искреннее, ханжество, так как они сами были философами, а сенат руководствовался тем, чему поучали в афинских школах; они не могли подчиняться голосу честолюбия или корыстолюбия, так как светская и духовная власть соединялись в одних руках. В первосвященники избирались самые знаменитые сенаторы, а обязанности верховного первосвященника постоянно исполнялись самими императорами. Они понимали и ценили пользу религии в ее связи с гражданским управлением.

В Рим, как в столицу обширной монархии, постоянно стекались со всех концов мира римские подданные и иноземцы, которые приносили туда вместе с собой и публично исповедовали там суеверия своей родины. Каждый город имел право поддерживать свои древние религиозные церемонии во всей их чистоте, и римский сенат, пользуясь этим общим для всех правом, иногда пытался приостановить наплыв стольких чужеземных культов. Но усердие фанатизма одержало верх над хладнокровными и слабыми усилиями политики. Впрочем, такая снисходительность не была отклонением от старых правительственных принципов. Таким образом, Рим мало-помалу обратился в общий храм своих подданных, и права гражданства были дарованы всем богам человеческого рода.

2. Близорукая политика, основанная на желании сохранить без всякой иноземной примеси чистоту крови своих первых граждан, остановила развитие и ускорила падение Афин и Спарты. Но властолюбивый римский гений принес тщеславие в жертву честолюбию: он нашел, что более благоразумно и более

почетно усваивать добродетели и достоинства отовсюду, где бы они ни нашлись, — от рабов, от иноземцев, от врагов и от варваров. В самую цветущую эпоху Афинской республики число граждан мало-помалу уменьшилось с почти 30 тысяч до 21 тысячи. Напротив, изучая развитие Римской республики, мы находим, что, несмотря на войны и выселение колонистов, число граждан, доходившее при первой народной переписи Сервия Туллия только до 83 тысяч, возросло перед началом войны с италийскими союзниками¹ до 463 тысяч человек, способных носить оружие. Правда, когда союзники Рима потребовали для себя равной доли участия в почестях и привилегиях, сенат предпочел случайности войны постыдной уступчивости. Самниты и луканы тяжело заплатились за свою опрометчивость, но другие италийские народы, по мере того как они возвращались к своему долгу, принимались в лоно республики и вскоре вслед за тем содействовали уничтожению общественной свободы.

До того времени, когда привилегии римлян успели мало-помалу распространиться на всех жителей империи, между Италией и провинциями существовало валовое различие. Италия считалась центром государственного единства и твердой основой государственных учреждений. Она гордилась тем, что была местом рождения или по меньшей мере местом пребывания императоров и сенаторов. Земли италийцев были свободны от налогов, а их личность — от самоуправления магистратов. Их муниципальным корпорациям, организованным по превосходному образцу столицы, было вверено исполнение законов под непосредственным наблюдением державной власти. От подножия Альп до крайних пределов Калабрии все италийские уроженцы были римскими гражданами по праву рождения. Их местные отличия сгладились, и они незаметным образом слились в один великий народ, связанный единством языка, нравов и гражданских учреждений и способный выдерживать на своих плечах всю тяжесть могущественной империи. Республика гордилась такой великодушной политикой и нередко была вознаграждаема за нее достоинствами и заслугами усыновленных ею детей.

Провинции империи (описанные нами в предшествующей главе) не имели никакой политической силы, никакой конституционной свободы. И в Этрурии, и в Греции, и в Галлии первой заботой сената было уничтожение тех опасных конфедераций, которые были способны поведать всему миру, что своими военными успехами римляне были обязаны внутренним раздорам врагов и что побороть их можно только соединенными силами. Случалось, что римское правительство, прикрываясь личиной признатель-

¹ Т. е. примерно за пять столетий — от VI в. до н. э., времени правления шестого римского царя Сервия Туллия, до 90-х годов I в. до н. э.

ности или великодушия, на время оставляло тень верховной власти в руках побежденных государей, но оно свергало их с престолов, лишь только была исполнена возложенная на них задача — приучить покоренный народ к наложенному на него ярму. Свободные государства и города, принявшие сторону Рима, награждались за это номинальным титулом союзников, но потом незаметным образом впадали в настоящее рабство. Правительственная власть повсюду находилась в руках высших должностных лиц, назначавшихся сенатом и императорами, и эта власть была абсолютна и бесконтрольна. Но те же самые благотворные принципы управления, которые упрочили спокойствие и покорность Италии, были распространены на самые отдаленные из завоеванных стран. В провинциях мало-помалу образовалась римская национальность¹ двояким путем: путем поселения римских колоний и путем допущения самых преданных и достойных жителей провинций к пользованию правами римского гражданства.

Римлянин поселяется повсюду, где он совершил завоевание, — верность этого замечания Сенеки подтверждается историей и опытом. Итальянский уроженец, увлекаясь приманкой удовольствия или интереса, спешил воспользоваться выгодами победы, и здесь не лишним будет припомнить, что почти через сорок лет после покорения Азии 80 тысяч римлян были безжалостно умерщвлены в один день по приказанию Митридата.

В 88 г. до н. э. царь Понта (греко-персидского эллинистического государства в Малой Азии в 302 до н. э. — 62 н. э., на южном берегу Черного моря) Митридат VI Евпатор разослал по всем своим владениям приказ, в котором обязывал сатрапов и руководителей городов спустя 30 дней уничтожить всех выходцев из Рима, невзирая на возраст, пол и социальный статус. Их трупы было запрещено хоронить, доносчиков ожидала награда, а оказавших жертвам помощь — наказание; рабы получали свободу, если убивали своих итальянских хозяев, а должникам прощалась половина долга. За время этого террора было убито, по разным данным, от 80 до 150 тысяч человек. Подобными действиями Митридат упрочил свой статус защитника эллинов. В мировую историографию это событие вошло под названием Азиатская, или Эфесская, вечерня.

¹ Для историографии XVIII—XIX вв. была характерна модернизация терминологии, в частности вольное употребление термина «нация» вместо таких понятий, как «племя», «народ», «народность» и т. п.

Эти добровольные изгнанники занимались большей частью торговлей и земледелием или брали на откуп государственные доходы. Но после того как императоры назначили легионам постоянные места пребывания, провинции стали заселяться семьями солдат: ветеран, получивший в награду за свою службу денежную сумму или земельный участок, обыкновенно поселялся со своим семейством в той стране, в которой он с честью провел свою молодость. Во всей империи, но преимущественно в ее западных частях, самые плодородные земли и самые выгодные местности отводились для колоний, из которых одни имели гражданский характер, а другие — военный. По своим нравам и по своему внутреннему управлению эти колонии были верным изображением своей метрополии; они скоро успевали привязать к себе местное население узами дружбы и родства и, распространяя между туземцами уважение к римскому имени, внушали им желание добиться связанных с этим именем отличий и выгод, — желание, которое редко оставалось неудовлетворенным. Муниципальные города незаметно сравнялись с колониями положением и богатством, так что в царствование Адриана существовали различные мнения насчет того, какое положение лучше — положение ли обществ, вышедших из недр Рима, или же положение обществ, принятых в его недра.

Всем известна избитая истина, что сам победоносный Рим должен был преклониться перед искусствами Греции. Те бессмертные писатели, которыми до сих пор восхищается новейшая Европа, скоро сделались любимым предметом изучения и подражания и в Италия, и в западных провинциях. Но то, что служило для римлян приятным развлечением, не могло иметь влияния на здравые принципы их политики. Сознывая всю привлекательность греческих образцовых произведений, они все-таки поддерживали достоинство латинского языка, который неизменно оставался исключительным языком и гражданского, и военного управления. Каждый из этих двух языков имел по всей империи свою особую сферу: греческий язык был естественным языком науки, а римский — легальным языком для всех общественных дел. Тот, кто соединял литературные занятия с деловыми, был знаком с ними обоими, и между жившими в провинциях образованными римскими подданными едва ли можно было найти хоть одного, который был бы не знаком ни с греческим, ни с латинским языком.

Благодаря таким-то порядкам покоренные народы и слились незаметным образом под общим именем римлян в один народ. Но в центре каждой провинции и в недрах каждого семейства все еще существовал тот несчастный класс людей, который нес на себе всю тяжесть общественных уз, не имея